

БОЛЕЕ полувека не сходят со сцены театров мира пьесы А. М. Горького.

Сценическая судьба горьковской драматургии поистине изумительна.

Первая пьеса Горького «Мещане» была поставлена МХАТом в 1902 году.

В 1967 году поставил «Мещан» Ленинградский Большой драматический театр имени Горького. И все спектакли — с аншлагом. И каждый вечер, когда идут «Мещане», — длинная вереница людей, выпрашивающих у подходящих к театру: «Нет ли лишнего билетика?».

В чем дело?

В талантливой режиссуре Г. Товстоногова? Да, несомненно. Но, очевидно, не только режиссерское прочтение привлекает внимание зрителей.

В чем же секрет неуязвимости современности горьковской драматургии?

Гигантская фигура Горького возникла на рубеже двух эпох. Его творчество отобразило переход от одной исторической эпохи к другой, от капитализма к социализму. Ф. Энгельс в предисловии к итальянскому переводу «Коммунистического манифеста» задавался вопросом о появлении нового Данте, стоящего на грани этих двух эпох. Таким новым Данте и стал Горький.

Суть нового, вносимого Горьким в литературу и искусство, была понята не сразу и не всеми. Первым, кто с предельной ясностью определил особенное значение направления, которое открывал Горький, был В. И. Ленин. Владимир Ильич назвал Горького крупнейшим представителем пролетарского искусства.

Советское искусство служит движению, которое открыло человечеству новую эру. У советского искусства великая цель. Это героическое искусство.

У истоков такого искусства и встал Горький. Художественное творчество родоначальника социалистического реализма — великий пример искусства, всецело посвященного благороднейшим целям служения народу, обществу, времени, искусства, проникнутого дыханием революционной эпохи.

К драматургическому жанру писатель обратился в переломный период русской истории, когда в стране назревала революция 1905 года.

Пьесы Горького и явились гениальным художественным обобщением эпохи первой русской революции, важнейших сдвигов в русском обществе между двумя революциями. В советскую эпоху Горький снова обращается к жанру драматургии. В 1932 году в статье «О пьесах» он писал: «Мы живем в эпоху, глубоко, небывало, всесторонне драматическую, в эпоху напряженного драматизма процессов разрушения и созидания». Именно этот напряженный драматизм эпохи и лежит в основе пьес Горького, определяет их острую конфликтность, непримиримость, ожесточенность отраженных в них идейных столкновений.

В пьесах Горького общественные проблемы, идеологическая, классовая борьба составляют основу драматических конфликтов, раскрываются открыто, прямо и во всей жизненной полноте. В них широко воссоздаются быт, нравы, типические характеры эпохи во всей психологической сложности и индивидуальной неповторимости. Идеологическая, классовая борьба раскрывается не только в полемике, которую ведут герои, но в композиции, движении сюжета, выявляющих справедливость или несправедливость, состоятельность или несостоятельность той или иной идейной,

философской позиции. Отсюда и публицистическая страстность, заостренность пьес Горького, их боевой, наступательный характер и богатство его реалистической палитры. В каждой странице пьесы, в каждой реплике ошутимо дыхание большой жизни и грандиозности социальной битвы, развертывающейся в обществе. Изображение общественных противоречий предстает в свете самых передовых идей времени — социалистических идей, и потому в пьесах Горького так ясно вырисовываются перспективы общественного развития.

И недаром постановки пьес Горького неизменно вызвали огромный общественный резонанс, оказывали

С этой точки зрения, мне кажется, не во всем бесспорна режиссерская интерпретация «Мещан» Г. А. Товстоноговым. Спектакль, как уже говорилось, получился талантливым, ярким. Достоинство его прежде всего в том, что режиссер идет от драматургического материала, и глубокое проникновение в богатство содержания пьесы позволяет ему открыть в ней новые грани, сделать спектакль чрезвычайно интересным для современного зрителя.

По многим постановкам мы привыкли видеть в Бессеменове мещанина, и только мещанина. Г. Товстоногов увидел истинно по-горьковски в нем человека.

Бессеменов в спектакле не только страшит нового и негодует по поводу того, что новое, возникающее в жизни, разрушает привычные для него семейные и жизненные устои. Бессеменов переживает, страдает: он любит, правда, по-своему, но любит своих детей и Нилу. В общем-то всю жизнь он потратил на то, чтобы дети были счастливы. Счастье, он опять-таки по-своему понимает, но желает этого счастья и детям, и Нилу искренно. Он особенно большие надежды возлагает на Нилу, проникательно видя

его преимущества по сравнению с Петром. И вдруг все надежды рушатся: дети его не понимают. Нил полностью отчуждается. Это — драма. И чем ближе перед нами разворачивается эта семейная драма, тем острее мы видим, что истоки ее не в личных свойствах Бессеменова, а в том, что естественное, человеческое в нем извращено природой мещанства.

Углубившись в человеческую драму Бессеменова, Г. Товстоногов в то же время показал противочеловеческую сущность мещанства, как явления социального. Это раскрывается в спектакле с большой художественной силой.

Именно оттого, что талантливый постановщик помогает нам разглядеть человеческое в Бессеменове, выплывают наши требования и к Нилу. Тем более что сама пьеса дает все возможности для постижения новых и новых граней этого характера.

Нил — подлинное открытие Горького, первый образ рабочего-революционера в русской драматургии. Бессеменовское Нилу чуждо. «Я жить люблю. — заявляет он, — люблю шум, работу, веселых, простых людей! А вы разве живете? Так как-то слоняетесь около жизни и по неизвестной причине стоите да жалуетесь...».

Нил прекрасно знает, «что жизнь — тяжела; что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жмет и давит человека». И он неспособен пассивно относиться к жизни; Нил по натуре своей — творец, соиздатель. Радость жизни для него состоит в том, чтобы активно вмешиваться в нее, «вместить ее и так, и эдак... тому — помешать, этому — помочь...». Нил молод, полон юного задора, кипучей энергии. Реалистический образ этот овеян дыханием романтики.

Нил — глубоко правдивое отражение русской действительности начала века, когда рабочий класс вступал в решительную схватку с капитализмом. Нил — по-настоящему современен, он из той породы людей, которые дерзновенно преобразуют землю и мир.

Современность горьковской драматургии — в ее революционности, в широте, богатстве жизненных проблем, поставленных в его пьесах, в психологической глубине и разнообразии созданных характеров, в том, что социальные темы, поднятые писателем, глубоко жизненны. Это и делает непреходящей молодость пьес Горького, как и всего его творчества, определяет их духовную высоту, как сказал в свое время В. И. Ленин.

Жизнь Горьким изображается в ее могучем революционном движении, и потому произведения его отличаются широтой и емкостью типических обобщений действительности, в них всегда ощущается та «третья действительность», которая прорастает в настоящем и которой принадлежит будущее.

При самом трезвом и последовательном реализме — величайший оптимизм, безграничная вера в силы народа, страстное утверждение творческого, героического начала в жизни, в человеке из народа насыщают пьесы Горького огромной, вечно живой силой идейного, эстетического, воспитательного воздействия.

Искусство Горького-драматурга — народно и, как народ, бессмертно.

Г. ПЕЛИСОВ,  
кандидат филологических наук.

К 100-летию со дня рождения А. М. Горького

## БЕССМЕРТЕН, КАК НАРОД...

революционизирующее влияние на зрителей.

В свое время выступление Горького как драматурга не на шутку встревожило самодержавие. Первая пьеса пролетарского писателя была встречена буквально в штыки. С большим трудом удалось МХАТу добиться разрешения на постановку «Мещан». К. С. Станиславский вспоминал, что на генеральную репетицию пьесы съехались министры, чиновники, полицейские власти, театр был окружен усиленными нарядами полиции: «Можно было подумать, что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению».

В горьковской драматургии с огромной художественной силой утверждаются историческая закономерность и неизбежность социалистической революции — этой главной всемирной правды всей современной эпохи. В этом и состояло современное звучание горьковской драматургии от «Мещан» до «Егора Булычова» и «Достигаева». Идет ли речь о семейной драме Бессеменовых или о горьком участии обитателей ночлежки Костылева, о трагикомедии Протасова или трагедии Надежды Монаховой — всюду звучит убежденное и гневное: больше так жить невозможно! Нельзя, чтобы людьми командовали жулики, дураки и свиньи! Прав не дают, права берут!.. На страницы «Врагов» открыто ворвалась революция. Прав был цензор, когда писал: «Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов».

Октябрьская революция как великая очистительная сила — главный герой «Булычова» и «Достигаева», герой настоящего и будущего, ибо идеи Октябрьской революции продолжают свое победное шествие по всей планете.

Великое искусство глубоко гуманистично, и этим оно бесценно для всех времен и эпох. В творчестве Горького гуманизм мировой и русской классики нашел не только свое блестящее продолжение, но, обогащенный новым революционным смыслом, явил собой принципиально новое качество, определившее дальнейшее развитие гуманистических начал в прогрессивном искусстве.

Как никакой другой писатель до него, Горький был влюблен в человека. Он обладал поразительным талантом открывать в людях золотые россыпи души, уметь заметить нечто от той природы, которая и вызвала знаменитую восторженную тираду Сатина: «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо!».

Но горьковское человеколюбие чуждо всепрощению — его гуманизм воинствующий.

Лука из пьесы «На дне» подкупает босняков своим душевным отношением к ним. И это не игра? Очень верно разгадал Луку Сатин: «Я — понимаю старика... да! Он врал... но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... Я — знаю, я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!..». Но это не делает менее опасной философию утешительства и самого Луку как активного носителя этой философии. И Горький развенчивает Луку, ибо объективно утешительство разоружает людей, наносит им непоправимый вред.

Пафос гуманизма в творчестве Горького сливается с пафосом борьбы, пафос любви к человеку вырастает до пафоса утверждения человека-борца, человека нового человечества, активного строителя и преобразователя жизни, чуткого сердцем.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»  
Г. МОСКВА

23 мар 1968